

**‘Лежать’ или не ‘лежать’:
вот в чем вопрос (к анализу глаголов позиции
в татышлинском удмуртском)¹**

Егор Владимирович Кашкин
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
МГУ им. М. В. Ломоносова
egorka1988@gmail.com

Юлия Вячеславовна Синицына
МГУ им. М. В. Ломоносова, НОШ МГУ «Сохранение
мирового культурного-исторического наследия»
jv.sinitsyna@yandex.ru

В статье рассматриваются позиционные контексты употребления глагола *kâll'ânâ* ‘лежать’ в татышлинском говоре удмуртского языка. Описаны его семантические расширения, выявляемые при сопоставлении с другими вариантами удмуртского. Обсуждаются возможные подходы к объяснению наблюдаемого развития модели.

Ключевые слова: глаголы позиции, уральские языки, лексическая семантика, тюркские языки, языковые контакты.

**‘To lie’ or not ‘to lie’: that is the question
(towards the analysis of posture verbs
in Tatyshly Udmurt)**

Egor V. Kashkin
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy
of Sciences, Lomonosov Moscow State University
egorka1988@gmail.com

¹ Исследование поддержано грантом РФФ №22-18-00285.

Julia V. Sinitsyna

Lomonosov Moscow State University, the Interdisciplinary
Scientific and Educational School of Moscow University
“Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”
jv.sinitsyna@yandex.ru

The article deals with the use of the verb *kəl'ʹānā* ‘lie’ as a posture predicate in Tatyshly Udmurt. We describe its semantic extensions highlighted in comparison to other Udmurt varieties. Possible explanations for the pattern under consideration are discussed.

Keywords: posture verbs, Uralic languages, lexical semantics, Turkic languages, language contact.

1. Введение

Статья посвящена семантике глагола *kəl'ʹānā* ‘лежать’ (соответствие в литературном удмуртском — *кыллыны*) в татышлинском говоре удмуртского языка (периферийно-южный диалект южного наречия). Исходно данный глагол описывает горизонтальное положение человека в пространстве (1)² и противопоставляется глаголам *səl'ānā* ‘стоять’ (2) и *pukānā* ‘сидеть’ (3), описывающим вертикальное и сидячее положение человека соответственно.

(1) *so kajka-jən kəl'ʹ-e.*
тот кровать-LOC лежать-PRS.3SG
‘Он лежит на кровати’.

(2) *anaj komnata šor-ān səl-e.*
мать комната середина-LOC стоять-PRS.3SG
‘Мать стоит посреди комнаты’.

(3) *ataj kreslo-ān puk-e.*
отец кресло-LOC сидеть-PRS.3SG
‘Отец сидит в кресле’.

² Значение ‘лежать’ приводится как этимологически первичное для данного глагола в [Лыткин, Гуляев 1970: 144].

В статье рассматриваются преимущественно позиционные контексты. Во-первых, мы определим ситуации употребления глагола *kâl'l'ânâ* и сравним их с ситуациями, характерными для глаголов *pukânâ* ‘сидеть’ и *sâlânâ* ‘стоять’ в татышлинском говоре. Во-вторых, мы сопоставим сферу употребления глагола *kâl'l'ânâ* в изучаемом идиоме со сведениями о других вариантах удмуртского языка, а также об ареально близких тюркских языках — татарском и башкирском.

Мы следуем фреймовому подходу, заключающемуся в сопоставлении лексических единиц на основе анализа их сочетаемости (см. [Рахилина, Резникова 2013]). В работе с носителями татышлинского говора мы использовали анкету, содержательные параметры которой описаны в [Рыжова, Кюсева 2013; Рыжова и др. 2014; Кожемякина и др. 2014]; указанные работы, в свою очередь, опираются на анализ русского материала в [Рахилина 2008: 288—312]. Данные татышлинского говора собраны в Татышлинском районе Республики Башкортостан (д. Старый Кызыл-Яр, с. Нижнебалтачево, с. Новые Татышлы и др.) в 2021—2022 гг.³ Материалы анкетирования были дополнены примерами из экспедиционного корпуса текстов⁴. Сведения о других вариантах удмуртского языка и об ареально близких языках получены из словарей и корпусов, а также в результате опроса носителей; подробнее источники данных оговариваются в основном тексте.

Примеры из татышлинского говора записываются в фонологической транскрипции, принятой в экспедиционном проекте. Примеры, полученные при переписке с носителями других идиомов, приводятся в литературной орфографии. При цитировании опубликованных источников сохраняется использованная в них система записи. Элицитированные примеры не сопровождаются ссылками на источник.

³ Информация о проекте доступна на сайте <https://tatyshly-udmurt.tilda.ws/>.

⁴ Обновляемая версия корпуса доступна на странице <http://udmurt.web-corpora.net/tatyshly/>.

2. Использование глагола *kâl'ʼânâ* в татышлинском удмуртском

Как показало наше исследование, в татышлинском удмуртском глагол *kâl'ʼânâ* имеет весьма широкую сферу употребления, явно выходящую за рамки приводимого в словарях основного значения ‘лежать’. Так, *kâl'ʼânâ* может указывать на нахождение человека в некотором месте без уточнения его конкретного положения:

- (4) *šofor-mâ* *mašina-ja-z* *kâl'ʼ-e*.
шофер-POSS.1PL машина-LOC/ILL-POSS.3SG лежать-PRS.3SG
‘Наш шофер (находится) в машине’.

В (5) глагол *kâl'ʼânâ*, относящийся к одушевленному участнику, передает значение ‘жить’, также связанное с общей идеей существования и нахождения где-либо.

- (5) — *anaj-os-tâ* *taza-jes'=a?*
мать-PL-POSS.2PL здоровый-PL=Q
— *og* *türlä* *kâl'ʼ-o*.
один разнообразие лежать-PRS.3PL
— *äjbät* *gäne* *med* *kâl'ʼ-o-zâ*.
хороший только пусть лежать-FUT-3PL
— *kâl'ʼ-o*. *kal'ʼen* *veʹl-o*.
лежать-PRS.3PL тихо ходить-PRS.3PL
‘Родители здоровы? — Живут (букв.: лежат) потихоньку (букв.: однообразно; так же, как всегда)’. — Пусть живут (букв.: лежат) хорошо. — Живут (букв.: лежат). Ходят потихоньку’. [Корпус татышлинского говора]

Только глагол *kâl'ʼânâ* допустим для обозначения местоположения птиц и насекомых:

- (6) *č'onari* *st'ena-jân* *kâl'ʼ-e* / **puk-e* /
паук стена-LOC лежать-PRS.3SG сидеть-PRS.3SG
**sâl-e*.
стоять-PRS.3SG
‘Паук сидит на стене’.

Позиция крупных животных (например, собак) описывается глаголами *sâlânâ* ‘стоять’, *pukânâ* ‘сидеть’, *kâl'l'ânâ* ‘лежать’ в зависимости от ситуации (7). При этом *kâl'l'ânâ* может описывать и просто местонахождение животного вне зависимости от его конкретного положения.

- (7) *pinä kovrik vâl-ân kâl'l'-e /*
 собака коврик верх-LOC лежать-PRS.3SG
puk-e / sâl-e.
 сидеть-PRS.3SG стоять-PRS.3SG
 ‘Собака лежит (находится) / сидит / стоит на коврикe’.

При указании на расположение некоторого пространства (например, города или леса) глагол *kâl'l'ânâ* ‘лежать’ конкурирует с глаголами *pukânâ* ‘сидеть’ и *sâlânâ* ‘стоять’. Для некоторых носителей предпочтителен последний глагол:

- (8) *ta gorod more dur-ân sâl-e /*
 этот город море сторона-LOC стоять-PRS.3SG
[?]*kâl'l'-e /* [?]*puk-e.*
 лежать-PRS.3SG сидеть-PRS.3SG
 ‘Этот город находится у моря’.

Допустимость употребления *kâl'l'ânâ* варьируется для разных типов пространств (релевантные для этого варьирования факторы требуют дальнейшего исследования). Например, указание на местонахождение леса с помощью глагола *kâl'l'ânâ* оказалось менее приемлемым (9) для тех же носителей, которые допустили этот глагол в (8) по отношению к городу.

- (9) *šur dur-ân n'ules sâl-e /*
 река сторона-LOC лес стоять-PRS.3SG
^{??}*kâl'l'-e.*
 лежать-PRS.3SG
 ‘У реки находится лес’.

Сочетаясь с наименованиями больших вертикально вытянутых непереносимых субъектов (таких, как деревья или сто-

лбы), *kâl'l'ânâ* указывает на их горизонтальное расположение, тогда как вертикальная позиция описывается глаголом *sâlânâ* ‘стоять’:

- (10) *azbar-ân* *rişpû* *sâl-e* / [#]*kâl'l'-e*.
 двор-LOC дерево стоять-PRS.3SG лежать-PRS.3SG
 ‘Во дворе стоит дерево’. / [#]‘Во дворе лежит дерево (упавшее, срубленное и т. п.)’.

- (11) *uram-ân* *ž'ûbo* *sâl-e* / [#]*kâl'l'-e*.
 улица-LOC столб стоять-PRS.3SG лежать-PRS.3SG
 ‘На улице стоит столб’. / [#]‘На улице лежит (валяется) столб’.

Наоборот, при сочетании с наименованиями субъектов, не имеющих протяженной вертикальной ориентации, глагол *kâl'l'ânâ* описывает их местоположение без привязки к признакам ориентации и функциональности. В (12) этот глагол указывает просто на факт нахождения бутылки на столе, тогда как употребление глагола *sâlânâ* ‘стоять’ подразумевает, что бутылка находится в вертикальном положении.

- (12) *butâlka* *žök* *vâl-ân* *kâl'l'-e* / [#]*sâl-e*.
 бутылка стол верх-LOC лежать-PRS.3SG стоять-PRS.3SG
 ‘Бутылка на столе (стоит или лежит)’. / [#]‘Бутылка стоит (*лежит) на столе’.

Глагол *kâl'l'ânâ* является, кроме того, базовым средством описания висящих субъектов. В (13), где описывается нахождение ковра на вертикальном ориентире — стене, из рассматриваемых глаголов допустим только *kâl'l'ânâ*. Факультативно к нему может быть добавлена форма глагола *ošânâ* ‘вешать’, уточняющая положение субъекта.

- (13) *kov'or* *st'ena-jân* (*oš-emân*) *kâl'l'-e* /
 ковер стена-LOC вешать-RES лежать-PRS.3SG
^{*}*ruk-e* / ^{*}*sâl-e*.
 сидеть-PRS.3SG стоять-PRS.3SG
 ‘Ковер висит на стене’.

Эта же стратегия используется для описания положения субъектов, висящих на крючке, вешалке или другом подобном предмете (14) либо подвешенных за кончик (15).

- (14) *derem veřalka-jân (oř-emân) kâl'ŕ-e /*
 платье вешалка-LOC вешать-RES лежать-PRS.3SG
**sâl-e / *puk-e.*
 стоять-PRS.3SG сидеть-PRS.3SG
 ‘Платье висит на вешалке’.

- (15) *völdet-ân l'ustra (oř-is'kâ-sa) kâl'ŕ-e /*
 потолок-LOC люстра вешать-DETR-CVB лежать-PRS.3SG
**sâl-e / *puk-e.*
 стоять-PRS.3SG сидеть-PRS.3SG
 ‘На потолке висит люстра’.

Помимо позиционных контекстов, глагол *kâl'ŕ-ânâ* употребляется в сложных глагольных комплексах, состоящих из лексического глагола в форме деепричастия на *-sa* и финитного глагола, отвечающего за аспектуальные характеристики. Глагол *kâl'ŕ-ânâ* указывает на продолжительный характер действия (прогрессив), как в (16), а также на значение хабитуалиса с высокой частотностью (17). Это ожидаемая модель развития, в т. ч. для Волго-Камского ареала, см., например, [Bradley 2016: 158—160].

- (16) *kūaz' kâk sâgüt zorâ-sa*
 погода два час идти_о_дожде-CVB
kâl'ŕ-e in'i.
 лежать-PRS.3SG уже
 ‘Дождь идет уже два часа’.

- (17) *novost'i-ân koronavirus s'arâs' vera-sa*
 новости-LOC коронавирус о говорить-CVB
kâl'ŕ-o.
 лежать-PRS.3PL
 ‘В новостях всё говорят и говорят о коронавирусе’. (Комментарий носителя: «Зачем так много говорить, как будто народ уже не знает».)

Учитывая широкую дистрибуцию глагола *kəl'ʹənə*, мы про-
верили, не может ли он развиваться в связку при неглагольных
предикатах. Такое расширение его употребления, однако, не
наблюдается:

- (18) **pet'a* *viz'mo* *kəl'ʹ-e*.
Петя умный лежать-PRS.3SG
Ожидаемое значение: ‘Петя умный’.

- (19) **mon* *stud'ent* *kəl'ʹ-is'ko-Ø*.
я студент лежать-PRS-1SG
Ожидаемое значение: ‘Я студент’.

Таким образом, в татышлинском удмуртском глагол *kəl'ʹənə*
‘лежать’ употребляется в качестве предиката со значением
‘находиться’, имеющего широкую сочетаемость. Для ряда
субъектов это единственно возможный глагол позиции (см.
описание положения птиц и насекомых, а также контексты с
висящими субъектами — в последнем случае, однако, возмож-
ны и аналитические конструкции с добавлением формы глагола
‘вешать’). В сочетании с наименованиями субъектов большого
размера (например, пространств или зданий) *kəl'ʹənə* конкури-
рует в первую очередь с глаголом *sələnə* ‘стоять’; с некоторыми
субъектами допускается и глагол *pukənə* ‘сидеть’. Сочетание
глагола *kəl'ʹənə* с наименованиями протяженных субъектов, ко-
торые часто являются вытянутыми вертикально, указывает на
горизонтальное расположение субъекта.

3. Данные других вариантов удмуртского языка

Рассмотрим имеющиеся данные о дистрибуции рассмат-
риваемого глагола в других территориальных разновидностях
удмуртского языка. В северных удмуртских говорах⁵ употреб-

⁵ Данные получены в переписке с тремя носителями языка родом из с. Курегово и Дондыкар Глазовского района Удмуртии и из с. Юнда Базинского района Удмуртии.

ление глагола *кыллыны* ограничено ситуациями лежания. Описанные выше семантические расширения для него не характерны, ср.:

- (20) *Шофёр машина-я-з* **кылл-е.**
шофер машина-LOC/ILL-POSS.3SG лежать-PRS.3SG
'Шофер лежит / *находится в машине'.
- (21) *Бутылка ёськ выл-ын* **кылл-е.**
бутылка стол верх-LOC лежать-PRS.3SG
'Бутылка лежит / *стоит на столе'.
- (22) **Чонари борддор-ын* **кылл-е.**
паук стена-LOC лежать-PRS.3SG
Ожидаемое значение: 'Паук сидит на стене'.

Схожая с северными говорами сфера употребления глагола *кыллыны* отмечается в литературном удмуртском языке. Наряду с суждениями информантов, владеющих литературным языком, это подтверждают данные основного корпуса [КУЯ]. Мы проверили сочетаемость глагола *кыллыны* с локативными участниками в этом корпусе⁶. Распространенными в таких сочетаниях оказались, в частности, формы локатива *больницаын* / *эмъяськонниын* / *эмюртын* 'в больнице', *госпитальын* 'в госпитале', *палатаын* 'в палате', *реанимациын* 'в реанимации', *валесын* 'в постели', *койкаын* 'на койке', *музьемын* 'в земле', *коросын* 'в гробу', *шайгуын* 'в могиле'. В таких примерах горизонтальное положение субъекта является постоянным либо преобладающим.

Некоторые носители северных говоров отмечают, что слышали примеры с широкой дистрибуцией глагола *кыллыны* от носителей южных говоров, указывая, в частности, на жителей Алнашского района Удмуртии. Мы располагаем суждениями

⁶ Запрос: существительное в форме локатива + лемма *кыллыны* на расстоянии 1.

двух носителей, родившихся в Алнашском районе (в с. Азаматово и в с. Кузубаево). Для идиолекта носителя родом из с. Кузубаево расширенные употребления *кыльыны* не характерны. В речи носителя родом из с. Азаматово такие употребления в целом возможны в части контекстов, ср. (23)—(25), сомнительны по отношению к висящим субъектам (26) и к обширным пространствам (27) и невозможны в контекстах, где реализуется значение ‘жить’ (28).

- (23) *Шофёр машина-я-з* **кылл-е.**
шофер машина-LOC/ILL-POSS.3SG лежать-PRS.3SG
‘Шофер находится в машине’.
- (24) *Чонари борддор-ын* **кылл-е.**
паук стена-LOC лежать-PRS.3SG
‘Паук сидит на стене’.
- (25) *Бутылка йсöк выл-ын* **кылл-е.**
бутылка стол верх-LOC лежать-PRS.3SG
‘Бутылка находится на столе’.
- (26) [?]*Телевизор борддор-ын* **кылл-е.**
телевизор стена-LOC лежать-PRS.3SG
‘Телевизор висит на стене’. (Комментарий носителя: «Возможно, но я не использую».)
- (27) [?]*Та город море дор-ын* **кылл-е.**
этот город море сторона-LOC лежать-PRS.3SG
‘Этот город расположен у моря’. (Комментарий носителя: «Может использоваться, я не использую в своей речи».)
- (28) **Мон Москва-ын* **кылл-исько-Ø**
я Москва-LOC лежать-PRS-1SG
Ожидаемое значение: ‘Я живу в Москве’.

В диалектном корпусе [КУЯ] отмечены единичные примеры использования глагола *кыльыны* в значении ‘жить’ (29) в

говорах Граховского района, также расположенного на юге Удмуртии. От более широких обобщений о говорах южной части Удмуртии мы воздержимся в виду ограниченности данных.

- (29) *Всё равно тани гужем мон, это, шу-исько-Ø,*
 вот лето я говорить-PRS-1SG
нылти-ос-лы <%> город-ын нечё делать, мед
 ребенок-PL-DAT город-LOC пусть
кылл-ё-зы гурт-ын.
 лежать-FUT-3PL деревня-LOC
 ‘Всё равно вот летом я, это, говорю, детям в городе нечего де-
 лать, пусть живут (букв.: лежат) в деревне’. [КУЯ]

Таким образом, употребления глагола *кыллыны* в позиционных контекстах, выходящих за рамки значения ‘лежать’, не свойственны литературному удмуртскому языку и северным говорам, но встречаются в говорах юга Удмуртии по крайней мере в некоторых контекстах и в части идиолектов.

4. Данные ареально близких тюркских языков

Взаимодействие с тюркскими идиомами, характерное как для татышлинского удмуртского (см., например, [Baidoullina 2003: 5—13]), так и в разной степени для других южноудмуртских говоров, позволяет выдвинуть гипотезу о контактно обусловленной природе рассматриваемой полифункциональности глагола *кыллыны*. Учитывая многогранную социолингвистическую ситуацию в ареале распространения татышлинского удмуртского, мы оценили существование схожей модели как в татарском, так и в башкирском языке. Источниками данных послужили, во-первых, словари (основные ссылки на них приводятся далее). Во-вторых, значительный объем башкирского материала, сопоставленного с данными других алтайских языков (казахского, киргизского, бурятского), был доступен нам из статьи [Кожемякина, Костюк 2016]. В-третьих, мы опросили двух носителей литературного татарского языка, одного носителя татарского, родившегося и проживающего в Татышлинском районе, а также одного носителя литературного башкирского языка.

Проведенное исследование показало, что дистрибуция глагола со значением ‘лежать’ в тех разновидностях татарского и башкирского языков, по которым в нашем распоряжении были данные, не столь широка, как дистрибуция глагола *käl'l'ânâ* в татышлинском удмуртском. Так, в примерах (30)—(32), полученных от носителя литературного татарского, этот глагол невозможен (аналогичные суждения получены от носителя башкирского языка).

- (30) *Үрмәкүч стена-да утыр-а / *ят-а.*
паук стена-LOC сидеть-ST.IPFV лежать-ST.IPFV
‘Паук сидит на стене’.
- (31) *Карават бүлмә-дә тор-а / *ят-а.*
кровать комната-LOC стоять-ST.IPFV лежать-ST.IPFV
‘Кровать стоит в комнате’.
- (32) *Телевизор стена-да эле-н-ен*
телевизор стена-LOC вешать-DEPAT-CV
*тор-а / *ят-а.*
стоять-ST.IPFV лежать-ST.IPFV
‘Телевизор висит на стене’.

В словарях татарского и башкирского языков приводятся отдельные примеры семантических расширений глаголов со значением ‘лежать’. Так, в [ТРС 2007: 723] зафиксировано употребление татарского глагола *яту* ‘лежать’ в значениях ‘жить, поживать’ (*Нишләп ятасыз?* ‘Как поживаете’) и ‘быть, лежать, находиться где-либо (постоянно, долгое время)’ (*Һаман өйдә яту* ‘всё время находиться дома’). В [БРС 1996: 847] приводятся контексты, в которых башкирский глагол *ятыу* ‘лежать’ означает ‘пребывать, находиться где-либо’: *больница ятыу* ‘лежать в больнице’, *курортта ятыу* ‘находиться на курорте’, *өйҙә ятыу* ‘находиться дома’. Примеры, приводимые в словарях, описывают нахождение или существование человека. Однако лексикографические описания не содержат

контекстов, в которых глагол со значением ‘лежать’ покрывал бы ожидаемую сферу употребления других позиционных глаголов, как происходит в случае татышлинского *käl'läñä*.

В то же время широкую сферу употребления в татарском и в башкирском языках имеют глаголы позиции со значением ‘стоять’, ср. примеры (33)—(36) из башкирского языка, цитируемые по [Кожемякина, Костюк 2016: 92—94], а также словарные статьи в [БРС 1996: 622—623; ТРС 2007: 393—394]. Аналогичная модель приводится в [Кожемякина, Костюк 2016] и для некоторых других алтайских языков.

(33) *Аскыс йозак эс-ен-дә тор-а.*
 ключ замок внутренность-POSS.3SG-LOC стоять-ST.IPFV
 ‘Ключ в замочной скважине (букв.: стоит)’.

(34) *Себен стена-да / түшәм-дә тор-а.*
 муха стена-LOC потолок-LOC стоять-ST.IPFV
 ‘Муха сидит (букв.: стоит) на стене / на потолке’.

(35) *Түшәм-дә люстра тор-а.*
 потолок-LOC люстра стоять-ST.IPFV
 ‘На потолке висит (букв.: стоит) люстра’.

(36) *Был ой-зә минең дуҫ-тар-ым тор-а.*
 этот дом-LOC я.GEN друг-PL-POSS.1SG стоять-ST.IPFV
 ‘В этом доме живут (букв.: стоят) мои друзья’.

5. Заключение

Глагол *käl'läñä* ‘лежать’ в татышлинском удмуртском расширяет сферу употребления, используя в качестве предиката со значением ‘находиться’. Такие употребления подчиняются, однако, ряду семантических ограничений: при описании вертикально вытянутых субъектов большой протяженности используется не глагол *käl'läñä*, а глагол *säläñä* ‘стоять’; не во всех идиолектах глагол *käl'läñä* применим к субъектам большого размера (как пространствам или зданиям). Схожее се-

мантическое расширение фиксируется у этого глагола и в других южноудмуртских говорах, однако идиомное варьирование сочетаемостных ограничений требует дальнейшего исследования.

Объяснение такого расширения семантики глагола *käl'ʹänä* может строиться двумя путями, при этом можно привести аргументы за и против каждого из них. Во-первых, можно предполагать независимое развитие ‘лежать’ → ‘находиться’ в удмуртских говорах южного наречия. Такой семантический сдвиг обсуждается в [Майсак 2005: 422], а также его реализации зафиксированы в базе данных [DatSemShift]. В то же время из работы Т. А. Майсака неясно, насколько распространен этот сдвиг и как он реализуется с точки зрения семантических ограничений на употребление глагола с исходным значением ‘лежать’ в значении ‘находиться’. Примеры, содержащиеся в [DatSemShift], также вызывают вопросы о том, насколько сходны переходы, фиксируемые в этой базе, и развитие глагола *käl'ʹänä* в татышлинском удмуртском. Сдвиг ‘лежать’ → ‘находиться’ фиксируется, в частности, в русском (*Эта деревня лежит в двух километрах от реки Нары*) и английском (*The islands lie at the southern end of the Kurile chain* ‘Острова расположены на юге Курильской гряды’) языках. Очевидно, однако, что русский глагол *лежать* или английский *lie* не функционируют как базовый позиционный предикат, подобно татышлинскому *käl'ʹänä*. Учитывая, что и другие приведенные в [DatSemShift] реализации такого сдвига основаны на кратких справках из вторичных источников, к ним возникают те же вопросы о дистрибуции лексем, требующие отдельных исследований. Тем самым, неясно, в полной ли мере доступные из типологических источников примеры представляют параллель к татышлинской системе.

Во-вторых, можно выдвинуть гипотезу о контактно обусловленном развитии в татышлинском говоре, учитывая его тесную связь с тюркскими идиомами (последнее справедливо и для упомянутых в разделе 3 говоров юга Удмуртии). Очевидное возражение состоит в том, что глагол ‘лежать’ в контактных тюркских языках не имеет настолько широкой дис-

трибуции, как в татышлинском удмуртском. Поэтому прямое калькирование тюркской модели полисемии в данном случае невозможно. Вместе с тем в тюркских языках наблюдается широкая сфера употребления другого глагола позиции — ‘стоять’, и в таких системах можно говорить о существовании в позиционной зоне доминантного глагола. Само наличие доминантного позиционного глагола оказывается общим признаком татышлинской и тюркских систем. Возникает, однако, вопрос, возможно ли и как могло бы быть аргументировано контактное влияние не на уровне полисемии конкретной лексемы, а на уровне общей модели устройства системы. В теоретических работах такая возможность, по-видимому, не отвергается, ср., например, [Matras, Sakel 2007: 830] о понятии *pivot-matching* («совпадение оси»), подразумевающим совпадение моделей устройства структуры в контактирующих языках на самых разных уровнях. Согласно [Gardani 2020: 271], заимствование модели в фонологии и морфологии может касаться общих принципов организации системы, например, наличия в языке определенной фонологической оппозиции (как между звонкими и глухими согласными), типа морфологической организации (синтетической / аналитической), моделей морфологических операций (аффиксации, редупликации) и др. Типология заимствования моделей в лексике изучена хуже, однако в литературе обсуждалось вероятное заимствование некоторых системных явлений, см., например, [Кошкарева и др. 2017] об организации некоторых семантических полей в уральских языках Ямало-Ненецкого АО. Так, стратегии описания скользких поверхностей в западных хантыйских говорах, контактных с ненецким языком, следуют ненецким моделям (например, базовым языковым средством оказывается глагольная лексема ‘быть скользким’, что нетипично для западных хантыйских говоров в других районах). Продуктивность эвфемистических наименований опасных животных (волка, медведя) значительно возрастает в коми-ижемских говорах, активно контактирующих с ненецким и хантыйским языками, в которых такая модель распространена повсеместно. Указанные параллели дают основания предположить,

что контактное влияние на уровне устройства системы по доминантной модели возможно и в случае татышлинских позиционных глаголов. Однако остаются и проблемные вопросы, требующие дальнейших, в т.ч. типологических исследований — о том, как можно дополнительно аргументировать наличие или отсутствие влияния на уровне устройства системы, а также о том, является ли типологическая фиксация расширения 'лежать' → 'находиться' достаточным аргументом против такого влияния.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; CVB — деепричастие; DAT — датив; DEPAT — депациентив; DETR — детранзитивизатор; FUT — будущее время; GEN — генитив; ILL — иллатив; IPFV — имперфектив; LOC — локатив; PL — множественное число; POSS — поссезивность; PRS — настоящее время; Q — вопросительная частица; RES — результатив; SG — единственное число; ST — особая основа при словоизменении.

Литература

БРС — Башкирско-русский словарь / под ред. З.Г. Ураксина. М.: Дигора, Русский язык, 1996.

Кожемякина, Костюк 2016 — Кожемякина А.Д., Костюк А.Э. О структуре локативной предикации в алтайских языках // Проблемы лексико-семантической типологии. Вып. 3 / под ред. А.А. Кретьова. Воронеж: ВГУ, 2016. С. 89—97.

Кожемякина и др. 2014 — Кожемякина А.Д., Кюсева М.В., Рыжова Д.А. 'Сидеть', 'стоять', 'лежать': типология локативной предикации // Одиннадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 27—29 ноября 2014 г.) / Отв. ред. О.В. Кузнецова. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 83—85.

Кошкарева и др. 2017 — Кошкарева Н.Б., Кашкин Е.В., Коряков Ю.Б., Казакевич О.А., Буркова С.И., Муравьев Н.А., Будянская Е.М. Диалектологический атлас уральских языков, распространенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа / под общ. ред. Н.Б. Кошкаревой. Калининград: РОС-ДООАФК, 2017.

КУЯ — Корпуса удмуртского языка. Электронный ресурс: <http://udmurt.web-corpora.net/> (дата обращения: 15.04.2022).

Лыткин, Гуляев 1970 — Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970.

Майсак 2005 — Майсак Т.А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005.

Рахилина 2008 — Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008.

Рахилина, Резникова 2013 — Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013, № 2. С. 3—31.

Рыжова, Кюсева 2013 — Рыжова Д. А., Кюсева М. В. ‘Сидеть’, ‘стоять’, ‘лежать’: локативная предикация в кабардино-черкесском языке // Проблемы лексико-семантической типологии: сборник научных трудов. Вып. 2 / под ред. А. А. Кретьова. Воронеж: ВГУ, 2013. С. 253—274.

Рыжова и др. 2014 — Рыжова Д. А., Кюсева М. В., Кожемякина А. Д. ‘Сидеть’, ‘стоять’, ‘лежать’: типология локативной предикации // Матеріали Українсько-російської школи-конференції молодих учених «Сучасні дослідження мови та літератури» Донецьк: ДонНУ, 2014. С. 235—237.

TPC — Татарско-русский словарь: в 2-х тт. Т. 2 (М—Я). Казань: Магариф, 2007.

Baidoullina 2003 — Baidoullina A. Татышлинский говор удмуртского языка: фонетика и морфология. Magistritöö. Tartu: Tartu Ülikool, 2003.

Bradley 2016 — Bradley J. Mari converb constructions: productivity and regional variance. Doctoral dissertation. Vienna: University of Vienna, 2016.

DatSemShift — The catalogue of semantic shifts. Online database: <https://datsemshift.ru/> (accessed on 29.08.2022).

Gardani 2020 — Gardani F. Borrowing matter and pattern in morphology. An overview // Morphology. 2020, vol. 30. P. 263—282.

Matras, Sakel 2007 — Matras Y., Sakel J. Investigating the mechanisms of pattern replication in language convergence // Studies in Language. 2007, vol. 31:4. P. 829—865.